

Научная статья

УДК 314.15(479.25)

DOI: 10.35854/2219-6242-2021-4-63-72

Динамика социальных практик миграции в период пандемии на примере Республики Армения

Эдгар Мурадович Айрапетян

Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Армения, Ереван,
Республика Армения

Аннотация. Речь идет о том, что исторически богатая история миграции армян в 2020–2021 гг. дополнилась и новыми социальными практиками (например, возвращение мигрантов на родину с учетом ограничений в связи с пандемией COVID-19 в первой половине 2020 г.), и новыми практиками оперативного принятия решения об эмиграции осенью и зимой 2020–2021 гг. В настоящей статье рассмотрена проблема влияния пандемии и выработки адаптационных стратегий: реактивных (вынужденных), активных (совершение выбора из имеющихся вариантов) и проактивных (планирование перспектив самореализации, карьерного и профессионального роста и развития). Указанные практики охарактеризованы на основе анализа статистических данных и собственного эмпирического исследования методом фокусированного интервью среди армянских семей.

Ключевые слова: миграция, социальные практики, адаптационные сценарии, стратегии, социальные институты, диаспора

Для цитирования: Айрапетян Э. М. Динамика социальных практик миграции в период пандемии на примере Республики Армения // Социология и право. 2021. Т. 13. № 4. С. 63–72. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-63-72>

Original article

Dynamics of social practices of migration during the pandemic of the example of Republic of Armenia

Edgar M. Hayrapetyan

Ministry of Emergency Situations of the Republic of Armenia, Yerevan, Republic
of Armenia

Abstract. Historically rich history of Armenian migration was supplemented in 2020-2021 by new social practices, including the return of migrants to their homeland during the restrictions in the first half of 2020, and new practices of quick decision-making on emigration in the fall and winter of 2020-2021. In this article, the impact of the pandemic and the development of adaptation strategies of reactive (forced), active (making a choice from the available options) and proactive (planning the prospects for self-realization, career and professional growth and development) types. These practices are considered based on the analysis of statistical data and on the basis of our own empirical research by the method of focused interviews among Armenian families.

Keywords: migration, social practices, adaptation scenarios, strategies, social institutions, diaspora

For citation: Hayrapetyan E. M. Dynamics of social practices of migration during the pandemic of the example of Republic of Armenia. *Sociology and Law*. 2021;13(4):63-72. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2021-4-63-72>

Социологический анализ миграции направлен на изучение поведения групп граждан в условиях динамично развивающегося общества. Пандемия, вызванная коронавирусной инфекцией COVID-19, социальные движения, включая агрессивное поведение и вспышки насилия (*BLM* в США, еженедельные демонстрации противников социальной изоляции, локдаун и ковид-паспортов в Западной Европе, боевые действия в Нагорном Карабахе, захват талибами Афганистана и др.), резкое снижение уровня жизни при резком росте расходов предприятий и повышении цен (в условиях инфляции, вызванной ростом не платежеспособного спроса, а себестоимости) составляют факторы, которые привели к возникновению или усилению намерений мигрировать даже в группах, не планировавших до 2020–2021 гг. миграцию. Скорее, они рассматривали ее как один из возможных, но не желательных для конкретной семьи сценариев адаптивного поведения.

На примере Республики Армения в период последних полутора лет проследим, каким образом происходило формирование новых социальных практик миграции, в которых миграционное поведение в значительной мере утрачивает характер свободного выбора, а становится вынужденной реакцией на происходящие перемены. Итак, цель статьи состоит в выявлении эволюции социальных практик миграции в условиях кризиса.

Нами исследованы основные вынужденные миграционные социальные практики, отражающие реактивное поведение, и сценарии активного поиска решений, а также проактивные адаптационные стратегии (на примере поведения армянских сообществ и семейных групп). Показано изменение роли диаспоры в критических условиях, когда «мягкая сила» социокультурной общности способствует формированию социальных практик проактивного поведения среди уже успешно интегрированных в принимающем сообществе представителей исходного общества.

Для выявления адаптационных сценариев и социальных практик использована смешанная качественная (фокусированные интервью) и количественная (анализ статистических данных о миграционных потоках) методология исследования.

Теоретико-концептуальные основания в миграционных исследованиях для формирования реактивных и проактивных социальных практик включают в себя ряд подходов к изучению миграции, отраженных на рисунке 1.

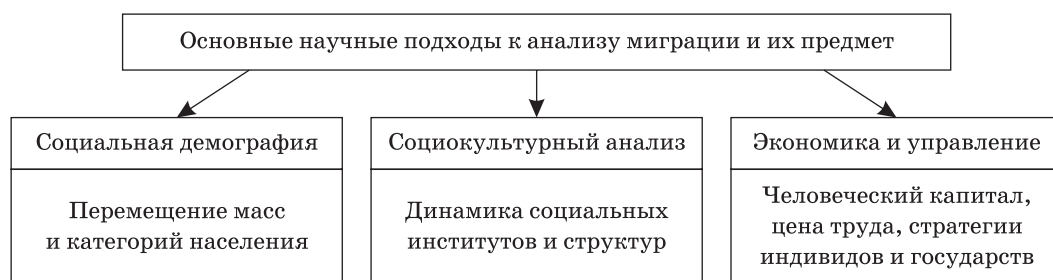

Рис. 1. Схема основных научных подходов к изучению миграции

Перечисленные подходы ориентированы на изучение факторов миграции, определяющих индивидуальное и групповое принятие решения об отъезде из одной страны и о выборе другого общества как привлекательного направления. Факторы, описывающие условия в регионах, классифицируют на две основные группы (“pull — push”) [1]: выталкивающие (*push*) факторы вынуждают принять решение об отъезде и характеризуют территорию выбытия; притягивающие (*pull*) условия на территории прибытия определяют выбор направления миграции.

Наряду с территориальными характеристиками определенную роль в миграции играют и психологические факторы (например, молодой возраст как фактор сепарации от родителей), этнокультурные и религиозные условия (язык, религия, обычаи региона прибытия, сокращающие силу культурного шока [2]), социальные связи и сети контактов в регионах направления.

К числу притягивающих факторов (“pull”) относятся позитивные аспекты страны назначения, такие как высокий уровень оплаты труда, экономическое благосостояние, экологическое благополучие, социальная безопасность, свобода вероисповедания, наличие диаспоры и т. д. Для уравнивания этих факторов нередко применяются регуляторные меры (процедуры получения виз, стоимость переезда и проживания), что приводит к переоценке рациональности выбора [3]. Кроме того, часть факторов, притягивающих и привлекающих, могут получать, скорее, негативное оценочное суждение в разных социальных группах. Например, толерантность общества оценивается одними респондентами как притягивающий фактор, а другими — как сомнительный, заставляющий искать иные направления миграции. Исследователи отмечают «переход положительных факторов в отрицательные и наоборот» [4, с. 184].

К числу выталкивающих (“push”) относят негативные обстоятельства в стране отправления. Среди них — безработица, высокий уровень налогообложения, политическая нестабильность, военные конфликты, нарушение прав человека, отсутствие возможностей для профессиональной самореализации и карьерных перспектив и т. д. [5]. Вынужденная миграция приводит к выработке вынужденной адаптационной стратегии, которую У. Томас и Ф. Знанецкий в своей знаменитой работе «Польский крестьянин в Европе и Америке» описывают как способ развивающейся адаптации человека к среде на основе «нервной системы» [6, р. 741]. Индивид вынужден в существенной мере изменить все аспекты регуляции своего поведения [7; 8; 9], принимая ценности и нормы общества, в котором он стремится интегрироваться, и выстраивая новые сети взаимоотношений.

Решения о миграции принимают не отдельные субъекты, а, как правило, семьи или домохозяйства [10]. При этом значение имеют не только максимизация дохода от миграции и привлекательная заработная плата на рынке труда принимающей страны, но и в целом комплекс «взаимодействий людей, мотивации и контекста» [11, р. 16], включая минимизацию риска для финансового благополучия домохозяйств и максимизацию профессиональных и карьерных перспектив для последующих поколений [12], поддержку оставшихся членов семьи путем «перевода на родину денег в форме регулярных или накопленных сумм» [13, р. 144]. Существенная часть миграции носит характер «обмена», при котором утрата социального статуса в исходном обществе обменивается на более привлекательное экономическое положение семьи путем интеграции одного члена или семьи целиком в принимающее общество. С течением времени семья рассчитывает вернуть социальную позицию в исходном обществе, не всегда возвращаясь в него, но нередко возвращая ресурсы, направляя часть доходов на поддержку культурных проектов на исходной территории, вкладывая свой труд и ресурсы в восстановление наследия, вплоть до благотворительных программ, и обретая тем самым новую форму уважения и признания в исходном обществе.

Историко-генетический анализ показывает влияние процессов миграции на актуальные процессы формирования миграционных потоков. Существенную роль в выборе миграционного поведения играет влияние диаспоры. Ее трактуют как «социальный организм, к которому принадлежат по факту этнической принадлежности» [14, с. 61], причем этническая принадлежность отчасти выступает предметом выбора по происхождению одного из родителей [15, с. 30; 16].

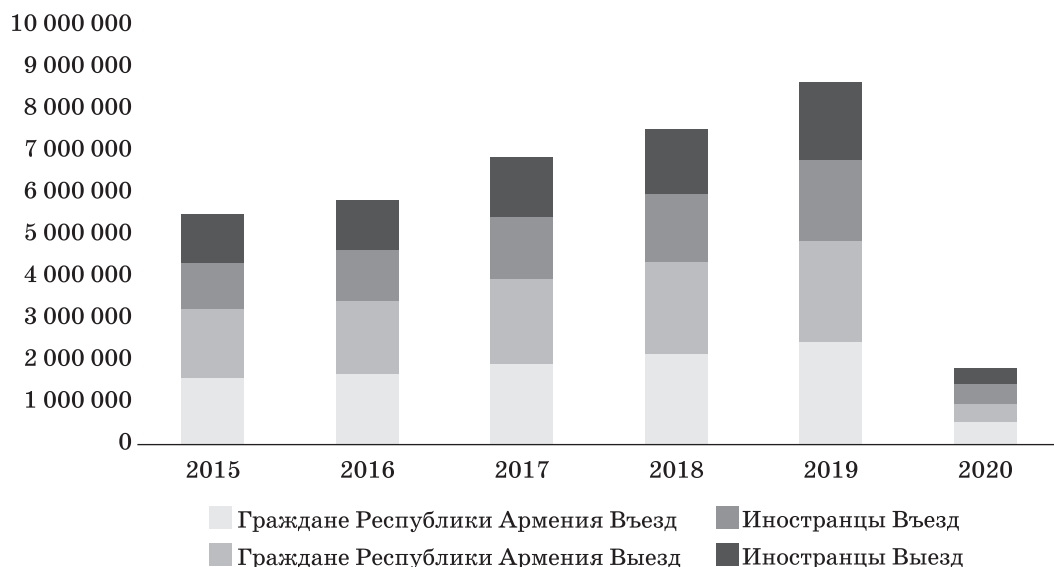
В частности, для армянского населения с учетом многовековой истории миграции армян в мире [17; 18] и социокультурных факторов близости социальной регуляции и ценностных ориентаций [19; 20] сформировались регионы и страны с высоким уровнем привлекательности ввиду ожидаемой от уже интегрированных соотечественников поддержки [20], как видно на рисунке 2.

Рис. 2. Численность армянских диаспор в странах мира и Западной Европы, чел. [20]

В условиях внезапно разразившейся пандемии, когда значительное число государств приняли решение о социальной изоляции внутри стран и переходе на дистанционный режим деятельности [21; 22], о закрытии границ [23; 24; 25] и выдворении временных мигрантов, Армения столкнулась с тем, что 33 % ее населения проживают за границей [26]. В результате сформировались по меньшей мере три основных адаптационных стратегии мигрантов. При этом выбор нередко совершали не мигранты. Последние оказывались в ситуации, когда государственные и общественные структуры принимающего общества не оставляли им выбора: 1) возвращение домой и поиск интеграции, источников дохода на родине; 2) невозможность выехать с потерей дохода (официального и нередко неофициального) в стране пребывания; 3) возрастание значимости связей диаспоры, которая приобретает важную институциональную роль в принятии решений, например, по распределению государственной и локальной помощи в рамках антиковидных мер в принимающих общества. При этом мигранты, ранее рассматривавшие диаспору прежде всего как сеть взаимоотношений для получения информации, начали обращаться к диаспоре как к социальному институту и включаться в более активные взаимодействия.

Так, первую стратегию иллюстрируют статистические данные о пересечении границы Армении в 2015–2020 гг., как показано на рисунках 3 и 4.

Источник: составлено автором на базе данных миграционной службы Министерства территориального управления и инфраструктур Республики Армения. URL: http://migration.am/content/pdf/sahman_2020.pdf (дата обращения: 12.11.2021).

Рис. 3. Динамика годового числа пересечений границы по гражданству в 2015–2020 гг., чел.

Как видно на рис. 3, общее число пересечений границы Республики Армения резко сократилось (в 4,8 раз) с 8,63 млн в 2019 г. до 1,81 млн в 2020 г. Сальдо динамики пересечений границ демонстрирует отчетливую тенденцию выезда иностранцев за пределы Республики Армения и въезда ее граждан на родину, что отражено на рисунке 4.

Источник: составлено автором на базе данных миграционной службы Министерства территориального управления и инфраструктур Республики Армения. URL: http://migration.am/content/pdf/sahman_2020.pdf (дата обращения: 12.11.2021).

Рис. 4. Сальдо динамики годового числа пересечений границы по гражданству в 2015–2020 гг., чел.

Сальдо динамики годового числа въезжающих в Армению граждан, возвращающихся на родину в 2020 г., показало, что пандемия и принимаемые государствами меры социальной изоляции обратили «вспять» миграционные потоки. Устойчивый тренд эмиграции армян сменился возвратом, плавное наращивание приезда и отъезда иностранцев (с легким превышением въезда) сменилось массовым выездом иностранных граждан из Республики Армения.

На основе статистических данных можно задать ряд вопросов. Каковы, в частности, социальные практики миграционного поведения сегодня, в период приспособления к новым условиям пандемии? Ответить на этот вопрос и ряд сопутствующих позволило проведенное эмпирическое исследование, включавшее в себя 17 фокусированных интервью с участием представителей армянского общества разных слоев (средне- и низкообеспеченных семей), с разным уровнем образования (в семьях, где взрослые члены имеют высшее образование и ученые степени, и в семьях с преимущественно средним образованием), проживающих в сельских и городских поселениях.

В итоге выявлены следующие ключевые стратегии, которые можно сгруппировать по их проактивности.

1. Возврат на родину в расширенную семью, поиск работы в сельскохозяйственном секторе или иных видах деятельности реального сектора с большой долей ручного труда, обращение к семейным, родовым связям для обеспечения выживания. Эта группа стратегий наиболее типична для армян, которые в рамках трудовой эмиграции находили временное трудоустройство и направляли значительную часть заработка из-за рубежа в Армению. Однако в эту же группу можно включить и другой пример, не типичный для высококвалифицированных граждан. В частности, преподаватель российского университета ответил, что вернулся в Армению и создал пасеку. Он также выращивает фрукты и одновременно работает на полставки в одном из вузов Еревана, но заработной платы недостаточно для того, чтобы прокормить семью. Данная группа социальных практик отражает недостаточную социальную адаптированность и интеграцию в принимающем сообществе, стремление оптимизировать свой человеческий и социальный капитал на основе исходного общества.

2. Часть мигрантов остается за рубежом, поскольку резкое сокращение дохода в принимающем обществе все-таки не сводится к нулевому уровню и позволяет выжить при условии перехода от полностью официального, легального получения дохода к менее наблюдаемым (оказание бытовых услуг на уровне домохозяйств). Данная тенденция возможна лишь на основе четкого стратегического решения семьи остаться в принимающем обществе при условии высокого уровня встроенности в это общество и нередко при тесных связях с диаспорой. Приведем, например, фрагмент интервью: «Ехать нам сейчас домой в Армению нет смысла, там родственники и так едва перебиваются с нашей постоянной помощью. Конечно, сейчас мы уже не можем переводить им столько денег, сколько раньше. Но и вернуться — еще хуже. Тут нам хотя бы друзья-армяне то один приработок подкинули, то другой, муж ботинки чинит соседям, я няней стала подрабатывать, опять же, в одной армянской семье. А вернемся, там снова надо искать и работу, и жилье». Эта тенденция нередко характерна для семей, даже с низким уровнем дохода, но уже интегрированных и на уровне мигрантов, и их детей, которым удалось получить место в детском саду или школе. Женщины нередко работают в медицинской сфере, даже если не имеют специального образования (в регистратуре поликлиник, уборщицами и т. п.). Мужчины, как правило, занимаются ручным трудом, изредка профессиональным производством.

3. Часть граждан с профессиями, позволяющими уйти на удаленный режим работы, смогла вернуться на родину и сохранить свои рабочие места. Однако такая миграционная практика не характерна для международной миграции и обнаружена лишь внутри страны. Например, в одной из опрошенных семей сын работает дизайнером. В связи с сокращением заказов он переехал из Еревана в небольшой город к семье, где, благодаря инфраструктуре и доступу к интернету, смог установить свое оборудование и продолжает работать, выполняя заказы, поступающие через его компанию в онлайн-режиме. Описываемая стратегия редко встречается (упоминается только в одном из 17 интервью). Тем не менее ее целесообразно указать как вариант внутренней миграции без переезда, когда происходит «утечка мозгов» и труда (человеческого капитала) без физического перемещения человека.

4. Высококвалифицированные сотрудники, хорошо интегрированные в принимающем социально-профессиональном сообществе, остаются на местах работы. Более того, они активнее вовлекаются в вопросы организации связей между приехавшими мигрантами, решившими остаться за пределами Армении. Как правило, такие родственники не только оказывают финансовую помощь оставшимся в Армении членам расширенной семьи, но и существенную организационную, информационную и даже административную поддержку (например, прописывают на своей жилой площади, помогают с регистрацией разнообразных документов) членам диаспоры, которые остаются в принимающем обществе. Так, в одной из семей в интервью с большим уважением представлена история родственника, который благополучно обустроился в Италии и готов был принять молодого племянника из Армении, чтобы помочь ему поступить в магистратуру в итальянский университет. Такая проактивная стратегия не исчезла и в период пандемии: молодые люди, как и в обычное время, стремятся реализовать свои возможности в рамках обучения [27; 28; 29; 30], что особенно характерно для самореализации в секторах высоких технологий и наукоемких производств, нуждающихся в интеллектуальной миграции как инструменте повышения качества человеческого капитала [31; 32; 33; 34; 35]. Именно социальные практики активной поддержки и включения в интеграцию других представителей своей страны в принимающем сообществе определяют институционализацию функционирования диаспоры как социальной системы.

5. Семьи с молодыми людьми, вопреки социальной изоляции и пандемии, отражают наиболее проактивную адаптационную стратегию, нацеленную на то, чтобы собрать все силы и обеспечить максимальные условия на старте для профессионального и карьерного роста молодых членов семьи. Данная стратегия нацелена на использование возможностей принимающего сообщества для самореализации в наиболее инновационных отраслях. Если молодым людям удастся эффективно интегрироваться, они в дальнейшем перейдут в категорию третьей стратегии и будут (как ожидают семьи) оказывать поддержку и оставшимся на родине членам семьи, и соотечественникам (включая не родных людей), приезжающим в этот же регион. Приведем фрагмент интервью: «Мы очень надеемся, что сыну повезет после университета найти там работу и стать уважаемым человеком, как Арташес. Он в Ленинграде в больнице главным врачом работает, к нему все наши друзья обращались, и он никому не отказал. Если наш сын сможет тоже хорошую работу найти и стать достойным человеком, то о чем ещё нам мечтать? Мы для этого всё сделаем». Такая социальная практика семей типична для благополучного периода развития общества, но удивительным образом она сохранила актуальность и в период пандемии, социальной изоляции и чрезвычайных мер.

На основе проведенных интервью можно сделать вывод о том, что цифровизация общественных отношений не снизила роли личных контактов, построения доверительных отношений и поддержки социокультурной общности как для граждан, находящихся на фазах планирования, реализации миграции и поиска адаптационных инструментов, так и для мигрантов, уже интегрированных в принимающее сообщество — «уехавших, но не забытых» (*gone, but not forgotten*) [36]. Напротив, развитие телекоммуникаций и социальных сетей облегчает общение, удешевляет сбор информации и способствует расширению доверительных взаимосвязей, построенных на множестве отзывов из разных источников, позволяющих составить более целостное представление о том, что ждет мигранта в месте приезда [23]. Хотя цифровизация и позволяет расширять «внутреннюю» неявную миграцию, при которой человек продолжает жить в том регионе, где ему наиболее комфортно (с социальной, экологической, личностной и экономической точек зрения, то есть в окружении друзей и родных, в чистой и приятной глазу природной среде, при низких расходах на проживание), и одновременно работать на работодателя из другого региона или государства, тем не менее, благодаря расширению коммуникационных каналов, цифровая экономика приводит и к усилению осведомленности о стратегиях успеха.

Таким образом, хотя пандемия в целом привела к возникновению новых проблемных зон в регулировании миграции в мире, вместе с тем наблюдается и появление ряда социальных практик, которые не только дают возможность индивидам и домохозяйствам справляться с последствиями пандемии (безработицей, сокращением дохода и др.), но и продолжать формировать стратегии развития, самореализации и профессионального роста.

Список источников

1. Lee E. S. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. Vol. 3. No. 1. P. 47–57.
2. Oberg K. Cultural shock: Adjustment to new cultural environments // *Practical Anthropology*. 1960. Vol. 7. P. 177–182. DOI: 10.1177/009182966000700405
3. Покровская Н. Н. Рациональность экономического поведения // *Известия РГПУ: Общественные и гуманитарные науки*. 2007. № 12. С. 128–137.
4. Мусеенко В. М. Внутренняя миграция населения. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2004. 285 с.
5. Староверов В. И. Социально-демографические проблемы деревни: Методология, методика, опыт анализа миграции сельского населения. М.: Наука, 1975. 287 с.
6. Thomas W., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. New York: Dover Publications, 1958. 2250 p.
7. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения // *Психологические проблемы социальной регуляции поведения*. М.: Наука, 1976. С. 144–171.
8. Покровская Н. Н. Нормативная и ценностная регуляция экономического поведения российских работников // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2008. № 3. С. 100–110.
9. Strangio D., Pokrovskaia N. N., D'Ascenzo F. History, creativity and innovation of the 'Italia' network. The case of Russia // *Annali del Dipartimento di Metodi e Modelli per l'Economia, Il Territorio e la Finanza 2018 (Annals of the Department of Methods and Models for Economics, Territory and Finance 2018)*. Rome: la Sapienza Università di Roma, 2018. P. 143–153.
10. Stark O. The migration of labor. Cambridge: Basil Blackwell, 1991. 406 p.
11. Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. Worlds in motion. Understanding international migration at the end of the millennium. Clarendon: Oxford University Press, 1998. 380 p.
12. Фэн В., Покровская Н. Н., Чуньчан Х. Закономерности миграции специалистов в Китае и в России // *Человек и Труд*. 2007. № 8. С. 80–87.

13. *Massey D. A Synthetic Theory of International Migration // World in the Mirror of International Migration / ed. by V. Iontsev. M.: MAX Press, 2002. P. 143–153.*
14. *Дятлов В. И. Армяне России: диаспоральные стратегии интеграции // 21-й век. 2007. № 2 (6). С. 60–70.*
15. *Айрапетян Э. М., Покровская Н. Н., Черных А. Б. Социологический анализ трудовой и интеллектуальной миграции молодежи в условиях экономики знаний // Социология и право. 2020. № 2 (48). С. 27–37. DOI: 10.35854/2219-6242-2020-2-27-37*
16. *Reis M. Theorizing Diaspora: Prospectives on “Classical” and “Contemporary” Diaspora // International Migration. 2004. Vol. 42. No. 2. P. 41–60.*
17. *Абрамян Л. Армения и диаспора: расхождение и встреча // Диаспоры. 2000. № 1-2. С. 52–76.*
18. *Sheffer G. Transnationalism and Ethnonational Diasporism // Diaspora. 2006. No. 15 (1). P. 121–145.*
19. *Слободской А. Л., Покровская Н. Н. Социокультурная идентичность и экономическое поведение в современном российском обществе // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 206. Социология культуры: опыт и новые парадигмы. Ч. 1. VI Санкт-Петербургские социологические чтения: Междунар. науч. конф. СПб.: Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 2015. С. 158–169.*
20. *Айрапетян Э. М. Транснациональная миграция как условие возвратной (на примере армянской диаспоры в Вологодской области) // Социальное пространство. 2021. № 5. DOI: 10.15838/sa.2021.5.32.7 URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29138>*
21. *Ababkova M. Y., D’Ascenzo F., Leontyeva V. L., Pokrovskaya N. N. Regulation of digital behavior models for knowledge transfer: Organizational concerns of remote learning // Education Sciences. 2021. Vol. 11. No. 10. P. 592. DOI: 10.3390/educsci11100592*
22. *Ababkova M. Y., Cappelli L., D’Ascenzo F., Leontyeva V. L., Pokrovskaya N. N. Digital Communication Tools and Knowledge Creation Processes for Enriched Intellectual Outcome — Experience of Short-Term E-Learning Courses during Pandemic // Future Internet. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 1–22. DOI: 10.3390/fi13020043*
23. *Снисаренко С. О., Айрапетян Э. М., Хашковский А. В. Специфика цифровых социальных коммуникаций мигрантов и диаспоры (на примере глобального армянского сообщества) // Социология и право. 2021. № 1 (51). С. 33–46. DOI: 10.35854/2219-6242-2021-1-33-46*
24. *Вылкова Е. С., Голохвастов Д. В., Буров В. Ю. и др. Россия и мир во время и после пандемии COVID-19: вызовы и возможности: коллективная монография. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация вузов, 2020. 274 с.*
25. *Буров В. Ю., Гришин С. Е., Демидова Е. И. и др. Многогранность современной пандемической реальности: коллективная монография / под ред. Е. С. Вылковой. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация вузов, 2021. 300 с.*
26. *COVID-19 crisis response in Eastern Partner countries // OECD. 2020. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/covid-19-crisis-response-in-easternpartner-countries_7759afa3-en (дата обращения: 02.11.2021).*
27. *Левицкая А. Н., Покровская Н. Н. Карьерные ожидания и планы молодых специалистов на рынке труда // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24. № 1. С. 105–137. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.1.5*
28. *Margulyan Y., Pokrovskaya N. Social regulations mechanisms in the post-modern changing world // GISAP: Economics, Jurisprudence and Management. 2014. Vol. 5. P. 6–8.*
29. *Gold S. J. From Nationality to Peoplehood: Adaptation and Identity Formation in the Israeli Diaspora // Diaspora. 2004. Vol. 13. No. 2/3. P. 331–358.*
30. *Бесчасная А. А., Покровская Н. Н. Перспективы развития российских городов в контексте образовательной миграции молодежи // Регионология. 2018. Т. 26. № 4. С. 742–763. DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.742-763*
31. *Платонов В. В., Статовская Е. Ю., Статовский Д. А. Локализация инновационных процессов: за пределами концепции географической близости // Инновации. 2015. № 7 (201). С. 56–59.*
32. *Авакова Э. Б., Покровская Н. Н. Международный опыт регулирования глобальной интеллектуальной миграции // Роль интеллектуального капитала в экономической,*

- социальной и правовой культуре XXI в.: сборник науч. тр. участников Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2016. 419–426.
33. Авакова Э. Б., Покровская Н. Н. Подходы к изучению российско-итальянской интеллектуальной миграции // Актуальные проблемы социологии и управления: межвузовский сборник науч. тр. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. С. 27–35.
34. Пруель Н. А., Лунатова Л. Н., Градусова В. Н. Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы // Регионоведение. 2020. № 1 (110). С. 133–158. DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.133-158
35. Pokrovskaya N. N. Leisure and Entertainment as a Creative Space-Time Manifold in a Post-Modern World // Handbook of Research on the Impact of Culture and Society on the Entertainment Industry / ed. R. G. Ozturk. Hershey, PA: IGI Global, 2014. P. 21–38. DOI: 10.4018/978-1-4666-6190-5
36. Chen Y.-W., Racine E., Collins N. Gone but not forgotten: the (re-) making of diaspora strategies // Asian Ethnicity. 2015. Vol. 16. No. 3. P. 371–379. DOI: 10.1080/14631369.2013.878210

Информация об авторе

Э. М. Айрапетян — главный специалист; 0054, Ереван, Давиташен, 4-й квартал, ул. А. Микояна, д. 109/8; e-hayrapetyan91@mail.ru

Information about the author

E. M. Hayrapetyan — Chief Expert; 109/8 A. Mikoyan Str., 4th Block of Davitashen, 0054 Yerevan, Republic of Armenia; e-hayrapetyan91@mail.ru

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 22.11.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 27.12.2021.

The article was submitted 22.11.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 27.12.2021.